

Сергей ИОФФЕ

*Живут
стихи...*

*Этюды
о поэтах*

*Иркутск
Восточно-Сибирское
книжное
издательство 1979*

*На Бобринском Угоре
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.*

Есть поэты, которые всей жизнью, всем творчеством своим так крепко привязаны к родному краю, что при одном только упоминании их имен тотчас же возникают в памяти те места, где они родились. За примерами ходить далеко не надо. Сергей Есенин? Рязанщина. Михаил Исаковский? Смоленские края. Эдуард Багрицкий? Одесса.

Таков и Александр Яшин — поэт, безмерно влюбленный в свою родную Вологодчину.

Казалось бы, не так уж важно, отражается ли в творчестве (да и в биографии) художника привязанность к «маленькой родине»: можно быть хорошим русским поэтом, живя то в одном месте, то в другом, русским поэтом в о б щ е, а не ленинградским, московским или иркутским. Конечно, можно. И все же верность

отчему краю накладывают особый отпечаток и на личность поэта, и — главное — на его творчество. Разумеется, Александра Яшина не назовешь ныне «вологодским поэтом». Он поэт, принадлежащий всему нашему народу, всей стране. Но стал всенародным Яшин именно потому, что прежде всего он был вологодским...

«Родился я в 1913 году в деревне Блудново, Никольского района, Вологодской области. Отца своего не помню, он погиб в первую мировую войну. Семья наша постоянно бедствовала, и мне рано пришлось начать работать в полную силу». Так писал в короткой автобиографии А. Яшин. Литературная судьба его складывалась весьма удачно. Воспитанный на бывальщинах и сказках русского Севера, Яшин мальчишкой начал сочинять поэмы на манер народных былин. В 1928 году стихи пятнадцатилетнего поэта впервые появились на страницах районной газеты, а затем — в московском журнале «Колхозник».

Закончив педагогический техникум, А. Яшин учителствует в сельской школе, но вскоре его избирают председателем оргкомитета Союза советских писателей в Вологде, потом переводят на работу в Архангельск, где в 1934 году выходит в свет первая книга поэта «Песни Северу». А. Яшин участвует в работе Первого всесоюзного писательского съезда, учится в Литературном институте, редактирует многотиражную газету... Лишь в 1938 году он впервые издается в Москве.

Стихи из ранних, довоенных, книг Александра Яшина подкупают своей бесхитростью, они лукавы и грустны, задумчивы и задорны, наполнены ароматом деревенских песен, присказок, прибауток. Истинная, неподдельная народность яшинского дарования рождала строки, где старина очень органично со-

четалась с современностью, где и не пахло слащавым «сюсюканьем» и пресловутой стилизацией «под фольклор». Рано обнаружил поэт и такие превосходные качества своего художнического и человеческого таланта, как трепетное, бережное, восторженное отношение к женщине, к родине, к родной природе.

*Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.*

*Пройдем пешком тропинкою лесною
К живой воде,
К былинному ключу.
Зверья боишься?
Сладившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?!*

Здесь и усмешка, и нарочитая грубоватость, и — упрятанная за усмешкой и грубоватостью — нежность.

...С первых же дней войны Яшин на фронте: он был корреспондентом краснофлотской газеты, политработником на Балтике, на кораблях Волжской военной флотилии, на Черном море.

Фронтные стихи А. Яшина (и в особенности те, что написаны в первые годы войны) выдают в нем сугубо штатского, мирного человека, крестьянина. Ему больно смотреть на поруганное поле: «Рожь лежит: не ветром укачало — танки с глиною смешали рожь». В минутной тишине, когда стих орудийный грохот, ему чудится: «За озером, в березняках густых тетерева, как встарь, затоковали». И с какой тоской по мирным делам обращается он к товарищу, лежащему с ним в одном окопе: «Теперь бы нам поля дожинать, зерно по лоткам

ссыпать в закрома, на свадьбах гулять, ягнят свежевать, до холодов утеплять дома!..»

Конечно же, со временем фронтовая поэзия А. Яшина стала наполняться иным содержанием, но она не утратила доверительной интонации, не огрубела. О чем бы ни говорил со своим читателем Яшин, он всегда находил самые сокровенные слова, и личные переживания поэта становились понятными не только тому, кто ходил в атаку, попадал под жестокую бомбежку, лежал после боя на израненной земле.

*Усталый, лежу на вершине скалистой,
Не шевелясь, замерев, лежу,
Земля не колеблется, небо чисто,
Прищурясь, в ясное небо гляжу,
Кузнечик возится у виска,
Песок на губах — не сдуваю песка.
Орел парит над моей головой...
А я живой!*

Как сильно и действенно было в поэте это чувство — радость жизни! В послевоенные годы, стремясь как можно больше увидеть и узнать, А. Яшин много ездит по стране. Он подолгу живет на новостройках (Волго-Дон, Куйбышевская и Сталинградская гидростанции), учится на курсах трактористов в Благовещенской школе механизации, отправляется на целину... Справедливости ради следует отметить, что не все произведения, созданные им в эти годы, благополучно прошли испытания временем: кое-что справедливо забыто и не включается в сборники поэта.

С середины 50-х годов в творчестве А. Яшина происходит заметный перелом. Поэт начинает пристальней приглядываться к простому человеку — своему современнику, его все больше занимают внутренние, глубинные процессы, происходящие и во всем нашем обществе

в целом, и в каждом человеке в отдельности. Отныне в книгах Яшина не встретишь бесконфликтные, поверхностные стихи, на смену им приходит поэзия, наполненная всеми радостями, тревогами, горестями человеческого бытия. «Ой, как многим людям у нас по ночам еще плохо спится!» — восклицает Яшин в стихотворении «Бессонница». «Спешите делать добрые дела!» — обращается он к своим соотечественникам в другом произведении. А в третьем — безжалостно казнит себя и сокрушается: «Пред всеми в долгу я, а чем помогу? Я много могу. Ничего не могу». И торжественным обещанием звучат слова поэта:

*Давайте же будем правдивыми
И впредь
Во всем
До конца:
Бренчаниями фальшивыми,
Писаниями хвастливыми
Не разогреть сердца.*

Творческий подъем, так счастливо начавшийся в пору оздоровления общественной атмосферы в нашей стране, не стал для А. Яшина просто эпизодом его литературной судьбы. Поэт уже не сдавал завоеванных позиций. «Я не знаю другого примера, кроме примера Александра Яшина, когда поэзия, ее проникновенность и пронзительность, золотая чистота ее тона нарастала бы по такой неукоснительной крутизне до самого последнего часа. Смерть сбила ее буквально влет», — так писал Солоухин в предисловии к одной из книг Яшина.

Именно в эти годы в стихах и в прозе Яшина с новой силой зазвучала тема родины. Лирический герой поэта постоянно тяготеет к пустой, суетной жизни в большом городе, он стремится туда, где можно «босям по

земле ходить». В милых сердцу местах, на Бобришном Угоре, что вблизи родной деревни Блудново, поселился в охотничьем домике А. Яшин. Здесь ему лучше дышалось, лучше писалось и думалось, но опрометчиво было бы предположить, что поэт стремился к покою, к умиротворенному созерцанию природы. Стихи, написанные на родине, говорят совсем о другом. В них поэт, как никогда раньше, обнажает свою душу — мечущуюся, страдающую, милосердную. «Только б не лишиться бессонных ночей» — это яшинское восклицание звучит чисто риторически, ибо немыслимо себе представить поэта довольным собой, убаюканным, благополучным. Трудная любовь к женщине, потеря близких, мучительный недуг — все это отразилось в стихах Яшина последних лет. Невозможно читать их без волнения, нельзя не проникнуться болями и бедами поэта, не содрогнуться от мысли, что ты ничем не смог (и уже никогда не сможешь) помочь ему...

И на этом фоне еще ярче и убедительней звучат строки, исполненные яшинского оптимизма, его несокрушимой жажды жизни, его готовности до конца биться за святые идеалы, биться единственным доступным поэту оружием — правдивым, праведным словом. «Да нужен ли мой подвиг? Ко времени ли он?» — спрашивает сам себя поэт. И тут же отвечает:

*Земли не чуя сдуру,
Восторженно визжа,
Полюзу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.*

Он до последних дней был честным, бесстрашным солдатом нашей литературы.

...Похронен Александр Яшин, согласно его завещанию, на Бобришном Угоре.

А за два с половиной месяца до смерти

накануне сложнейшей операции, Александр Яковлевич получил от редколлегии «Дня поэзии» анкету с просьбой поделиться своими мыслями о народности поэзии, о ее национальных и классических традициях. Вместо ответа на анкету Яшин написал послание друзьям, которое ныне воспринимается не иначе, как завещание поэта. В послании этом, в частности, говорится: «Писать надо, друзья мои! Писать о том, о чем хочется и как хочется, и только так писать, как можно полнее. Высказывать себя, свое представление о жизни, свое понимание ее и, конечно, как можно правдивее — правдивее настолько, насколько позволяет собственный характер и уважение к своему человеческому достоинству. Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив ее великим традициям».

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

* * *

Шла я нынче заимкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь зайника
Вывертов наделал.

У плетня у каждого,
С умыслом ли, нет ли,
Елочки обхаживал,
Затягивал петли.

А местами пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер:

До чего ж закручены
У милого речи!

Просто заливается,—
До того хлопочет.
А о чем старается?..
А чего он хочет?..

Я споровку дикую,
Заячью-то знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

1936

ДЕВУШКА ЗАТОСКОВАЛА

Столько всяких ягод!
Даже на рябине,
Даже на черемухе солнце засветилось.
Только на березе ни одной-единой,
Ничего на белой вновь не уродилось.

В кожаной бездонной сумке почтальона
Столько всяких писем!
С марками, без марок,
Синих и зеленых, по углам клейменных,
Склеенных и связанных...
Каждое — подарок...

Мне одной ни писем, никаких открыток.
Неоткуда, не от кого..
Ветер веет пылью.
Выйду за околицу — все вокруг покрыто
Горькою полынью, черной чернобылью.

1937

В МИНУТУ ГНЕВА

Его боялись пуще грома,
Широкоплечий, страшен был,
Он у врага в дому, как дома,
Закинув голову ходил.

Мы не поверили на слово,
Что страсть его надорвала,
Что из большого из такого
Веревки женщина вила.

И мне на слово не поверят.
Умру, и ей в моем доме
Откроют все столы и двери
И доступ к праху моему.

Она слезами обольется,
Разжалобит моих друзей,
И ни один не разберется
В любви и гибели моей.

Другие в чувствах поклянутся,
Она и тех согнет в дугу.
А я в гробу ни повернуться,
Ни даже вскрикнуть не смогу.

1939

АТАКА

В густой траве, за буераком
Лежал он молча и курил,
Когда пронесся крик:
«В атаку!»—
И пулемет заговорил.

И сразу рожь вокруг и ели,
Кусты и желтые пески
Зашевелились, загремели,
И кровь ударила в виски.

Да, он в боях держался смело,
Но каждый раз, как в первый раз,
В нем все сжималось, холодело,
Лишь наступал сраженья час.

По травам, вверх от переправы,
Неслась в огонь морская часть.
И, прыгая через канавы,
Он думал только:
«Не упасть!»

Все проплывало, как в тумане,
Порой рвалась сознания нить.
Увидев немца на кургане,
Он думал об одном:
«Убиты!»

И, раньше всех прорвавшись к цели,
Два диска в схватке разрядив,
Он в теплый мох у старой ели
Упал и вслух промолвил:
— Жив!

Во рту горчило,
Было жарко...
Он вспомнил, что курил в логу,
И злобно выплюнул сигарку,
Изжеванную на бегу.

1943

МЫ УЖЕ БОЯЛИСЬ

Зря ты не приехал в эту осень —
Родина ведь, что ни говори,
Пишем, пишем,
Просим, просим...
Может, прячут в стол секретари?

А уж сколько было красных ягод!
Не соврем —
Лопатами гребли.
Наварили бы варенья на год,
И другой бы снеди запасли.

Наросло грибов на удивленье:
Вот не сей
И землю не паши,
А одно — ищи, солн, суши...
Как у вас там нынче со снабженьем,
Не скудаешься ли?
Сообщи.

Не послать ли мелких, из отбора
Рыжичков,

Чтоб вспомнил о родне?
Упустил ты золотую пору.
Белых тоже набрали горы —
Даже на лугах, на косогорах...
Мы уже боялись:
Вдруг к войне?

1962

НЕ ДРАЗНИ МЕНЯ...

*Как сказать мне для
прекрасной Лалы...*
С. Есенин

Убери свои губы, Нуну,
В одиночку перебедаю,
Не тревожь:
Кого обману,
Если я тебя поцелую?

Мне твой черный огонь сродни,
По душе он северным людям.
Но куда —
От семьи, от родни?
Будут слезы —
Себя осудим.

Много есть и других помех:
Разность возрастов,
Разность веры.
Не простят даже малый грех
Изуверы
И лицемеры.

Расскажи мне лучше о том,
Как там Лали —
В чести и холе?
Раз я был приглашен к ней в дом,—
Ради дружбы народов, что ли?

И поныне память в плену
У нее.
Ты же знаешь Лали?.,

Убери свои губы, Нуну,
Чтоб народы не пострадали.

Что за власть у таких, как ты!
Что за слабость,
Какая сила!
Только я боюсь маеты,
Немота бы не охватила.

Поседел от забот, от дел,
Уж не знаю, душа жива ли?
Не дразни меня, что не смел,
Извини меня, генацвале...

Но, признаюсь,
Если бы Лали —
Ни на что бы не посмотрел.

1962

ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Памяти М. М. Денисова

Я сочиняю стихи про желтые листья.
Падают листья в речку,
в холодную просинь...
Может быть, это мои прощальные письма?
Может быть, это моя последняя осень?
Я подбираю старательно
слово к слову:
«Речка — овечка — местечка...
дорогу —логу...»

А сенокосы
по речке Козловке
снова

Снег заметает.
Опять — ни скоту, ни богу.
Веточный корм собирали молодки, бабки,
Вброд по озерам осоку серпами жали,
Травку таскали домой
по охапке,
по шапке...

СВОЕ ДОБРО

Кончились радости осени. Дождь.
Небо слезится,
Тучи как дым.
Ты меня в город, домой зовешь,
Ждешь, как охотника.
С возом каким?

Груз мой — корзины да пестери,
Не из-за моря —
Свое добро.
Хочешь, бочонок груздей бери,
Туес брусники,
Клюквы ведро.

Как говорят, чем богат, тем и рад,
Что уродилось,
То и везу.
Разбогатеть не смог, виноват,
Не за границами жил — в лесу.

Чем занимался?
Да просто жил,
Сил набирался,
Жил и дышал.
Рад, что ничьих не вытягивал жил,
Людям на горло не наступал.

Не говорю, что горе прошло, —
Свыкся.
У всякого свой удел.
Все-таки что-то произошло:
Тучи как дым и дождь,
А светло.
Осенью даже лес посветлел.